

На правах рукописи

Седышев Олег Владимирович

**СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ У ДРЕВНЕЙ МОРДВЫ
В III – XIII ВВ.**

Специальность 07. 00. 06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск – 2004

Работа выполнена в Научно-исследовательском институте гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, доцент Петербургский Иван Митрофанович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Иванов Владимир Александрович
кандидат исторических наук Волков Сергей Роллерович

Ведущее учреждение – Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского

Защита состоится « 8 » апреля 2004 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д.212.275.01 при Удмуртском государственном университете по адресу: 426034 г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп.2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Удмуртского государственного университета

Автореферат разослан « 3 » марта 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к.и.н., доцент

Журавлева Галина Николаевна

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Каждая археологическая находка несет в себе информацию, воссоздающую, в той или иной мере, жизнь народа. Снаряжение верхового коня обладает уникальными свойствами отражать различные сферы деятельности: хозяйственную, военную, социальную, торговые и военно-политические связи. Исследование конского снаряжения особенно актуально для народов, история которых крайне скупо отражена в письменных источниках.

К настоящему времени конское снаряжение Древней Руси и кочевых народов Восточной Европы, стало объектом специальных исследований. На этом фоне, не смотря на большой накопленный археологический материал по материальной культуре поволжско-финских народов, в частности мордвы, оно остается малоизученным. Работа по этой теме может стать частью последующего всестороннего изучения конского снаряжения в целом народов Восточной Европы.

Объектом исследования являются погребальные памятники мордвы III – XIII вв. В I – начале II тысячелетия территория древней мордвы охватывала значительную часть Окско-Сурского междуречья: на севере от правобережья Волги, на юге – от верховьев Мокши и Суры. Рассматриваемые в исследовании древнемордовские погребальные памятники расположены на территории Республики Мордовия, Пензенской, Тамбовской, Нижегородской, Саратовской областей. Монголо-татарское нашествие, всесторонне повлиявшее на жизнь средневековой мордвы, затронуло и его расселение. Среди археологических памятников переселенной мордвы используются материалы Аткарского могильника, расположенного в Нижнем Поволжье.

Предмет исследования – элементы конского снаряжения, как важная часть погребального инвентаря и материальной культуры средневековой мордвы.

Хронологические рамки исследования охватывают период с III по XIII вв. По мнению археологов, основные признаки древнемордовской культуры сложились в III в. н.э., и с этого времени можно говорить о древней мордве как об этнокультурной общности. Примерно в это время на территории Окско-Сурского междуречья появляются могильники, которые определяются как древнемордовские. Верхняя хронологическая грань исследования – XIII в. – время монголо-татарского нашествия, нарушившего ход политического, экономического и социального развития мордовского общества. Кроме того, из ассортимента погребального инвентаря позднейших могильников почти исчезает конское снаряжение.

Цель и задачи исследования. Цель работы заключается в системном изучении материалов, касающихся конского снаряжения из наиболее широкого круга мордовских памятников. Задачи определяются следующими положениями:

– разработка исчерпывающих признаков классификации предметов снаряжения верхового коня;

- определение временных рамок бытования выделенных типов вещей;
- исследование эволюции предметов конского снаряжения;
- выявление экономических и военных связей мордвы на основе изучения предметов конской упряжи;
- обобщение и систематизация археологических данных для выяснения социальной структуры мордовского общества и некоторых сторон мировоззрения связанного с почитанием коня.

Источниковая база. Исследование основано на материалах 34 погребальных памятников древней мордвы. Используются этнографические и фольклорные данные, сведения русских летописей и данные западноевропейских авторов.

Материалы об археологических памятниках содержатся в полевых отчетах, хранящихся в архиве Института археологии РАН и рукописном фонде Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Данные некоторых могильников были опубликованы, однако, не всегда в полном объеме. Используемые в работе находки, хранятся в археологических фондах ГИМ, Государственного Эрмитажа, в музеях Арзамаса, Моршанска, Саратова, Пензы, Саранска.

Историография. Историография изучения предметов конского снаряжения из мордовских памятников не велика, из-за отсутствия серьезных исследований в этой области. Многие исследователи, начиная с В.Н. Ястребова, при публикации материалов могильников касались снаряжения коня, как части погребального инвентаря, но специальному анализу его не подвергали.

А.Е. Алихова выделила наиболее часто встречающиеся формы удила VIII – IX вв. на материале из Лядинского могильника, отметила, что самой распространенной формой стремян у мордвы этого периода были стремяна с подпрямоугольным ушком, снабженным отверстием, и широкой выгнутой подножкой. Она же отмечала, что в отличие от муромы, обычай конского захоронения у мордвы, оставившей Лядинский могильник, где к тому времени было известно одно безинвентарное погребение коня, был мало распространен. Ко времени выхода работы А.Е. Алиховой мордовские могильники были исследованы еще недостаточно, памятники первой половины I тысячелетия были мало изучены, их исследование только начинал М.Р. Полесских.

В 1968 году вышла статья М.Р. Полесских, в которой, рассматривается снаряжение из могильников армиевского типа, и приводятся аналогии некоторым накладкам от сбруи.

И.М. Петербургский, при систематизации материалов ПСтаробадиковского могильника (вторая половина VII–X вв.) уделяет внимание удилам и стремянам. Однако он ставил своей целью рассмотреть вещи только одного могильника, кроме того, в публикацию не вошли материалы последних лет исследования памятника.

В.И. Вихляев рассматривал вопрос о происхождении конских захоронений у средневековой мордвы, многие из которых к этому времени уже были опубликованы В.Н. Мартьяновым. Он называет эту черту погребального

обрядов у мордвы существенной и выделяет несколько возможных факторов, ставших причинами ее возникновения.

В 2001 году вышла работа В.Н. Мартыанова, в которой опубликованы материалы многолетних исследований мордовских могильников в Нижегородской области. Автор затрагивает и такой элемент погребального обряда мордовских могильников северной группы как конские захоронения и, вслед за В.Н. Вихляевым, считает эту черту существенной не только для мордвы-эрзи, но для всей мордвы в целом.

С.В. Святкин, в исследовании по вооружению и военному делу мордвы первой половины II тысячелетия, рассматривает и конское снаряжение этого времени. Он же приводит упоминания о мордовских обрядовых действиях, связанных с конем.

И.Р. Ахмедов, рассматривая псалии гуннской эпохи, упоминает двое удилов из мордовского Абрамовского могильника и, считая их одними из самых ранних удилов с псалиями этого времени, находит им аналогии в памятниках Восточной Европы и Кавказа.

Таким образом, все исследования конского снаряжения мордвы были неполными и отрывочными, так как авторы не располагали материалами раскопок последних лет, не делали это своей задачей, либо были серьезно ограничены хронологическими рамками. Кроме того, ни кто из них не ставил конское снаряжение в центр своего исследования.

В диссертации, для определения круга аналогий, использовались работы в центре внимания которых, стояли салтово-маяцкая культура, древности южнорусских степей и Северного Кавказа, могильники марийцев, археологические памятники Прикамья, Урала, Центральной Азии, Западной и Восточной Сибири.

Методика исследования. Работа основана на использовании синтеза типологического, сравнительно-исторического и статистического методов. В основу нашей типологии предметов конского снаряжения мордвы были положены принципы, разработанные Г.А. Федоровым-Давыдовым и А.Н. Кирпичниковым для находок из кочевнических и древнерусских памятников VIII – XIV вв.

Впервые была разработана типология мордовских древностей III – VII вв., которая удачно вписалась в принятую схему. И это является существенным, так как данная категория находок до сих пор не являлась предметом специального анализа материальной культуры мордовских племен. Сравнительно-исторический метод применяется при рассмотрении эволюции конской упряжи, а также комплексов со снаряжением верхового коня.

Хронология предметов конского снаряжения определялась по сопровождающему инвентарю (сюльгамы, гривны, браслеты, пряжки, височные привески и др.). При определении датировок предметов конского снаряжения из могильников III – VII вв. использовались работы В.И. Вихлева, разработавшего систему хронологии и периодизации для могильников селиксенского и армиевского типа, а также работы В.В. Гришакова. При разработке хронологии предметов из могильников VIII – XI вв. учитывались

исследования Р.Ф. Ворониной, О.В. Зеленцовой. А.Е. Алихова в свое время предложила датировки некоторых групп украшений из могильников первой половины II тысячелетия, которые используются и сейчас. Предметы конского снаряжения из могильников XI – XIII вв. почти полностью отсутствуют в погребениях людей и больше известны по конским захоронениям, не содержащим другого инвентаря. В этих случаях приходится в основном полагаться на известные аналогии. Для уточнения дат мы пользовались работами по хронологии древностей Восточной Европы А.К. Амброза, В.Ф. Генинга, В.Б. Ковалевской и других авторов.

В разделе, посвященном взаимовстречаемости предметов снаряжения верхового коня и различных видов вооружения, впервые на основе статистических данных, рассматривается процесс военизации мордовского общества с III по XI в.

Научная новизна. В работе впервые систематизированы материалы, касающиеся снаряжения верхового коня из древнемордовских могильников, со времени их появления и вплоть до монгольского завоевания. Исследование позволит дополнительно оценить этническую и политическую ситуацию в регионе.

Практическое значение работы. Основные моменты диссертации и наблюдения автора могут быть использованы в научных исследованиях по проблемам средневековой истории Мордовского края, Среднего Поволжья и Восточной Европы в целом, в учебной работе преподавателей отечественной истории и археологии высших учебных заведений.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы работы были изложены на VI Сафаргалиевских чтениях в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева (2001 г.); на XXXIX Евсевьевских чтениях в Мордовском государственном педагогическом институте им. М.Е. Евсевьева (2002 г.); на Всероссийской конференции археологов, посвященной 100-летию со дня рождения А.Е. Алиховой (2002 г., г.Пенза); на научной конференции, посвященной 70-летию Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (2002 г.); на II межрегиональной научной конференции «Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья: проблемы хронологии и этнической истории», прошедшей в МГПИ им. М.Е. Евсевьева (2003 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных архивных источников и литературы. Приложение включает альбом иллюстраций, статистические таблицы и каталог находок.

Содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определены цели и задачи исследования, обозначены ее территориальные и хронологические рамки, представлена историография проблемы.

Глава I. Типология предметов конского снаряжения.

Глава состоит из трех параграфов. В ней дается типология предметов снаряжения верхового коня: удила, стремян, а также элементов сбруйного набора (пряжек, ботал, уздечных колец, соединителей уздечных ремней, перекрестных блях, решм, подвесок, наконечников, накладок).

Перечисленные вещи классифицированы следующим образом: категории вещей выделены по своему назначению, группы – по характеру исходной заготовки и по материалу изготовления, отделы – по наиболее важным, определяющим форму, внешним признакам, типы – по форме отдельных деталей. В случаях, когда предметы немногочисленны, деление на группы и отделы не производилось.

§ 1. Удила. По виду трензельного обеспечения и материалу изготовления удила разделялись на группы, на отделы по способу оформления концов грызла и наличию перегиба стержней. Группа I. Кольчатые. Железные. Отдел А. С одинарными неподвижными кольцами на концах грызла и продетыми в них подвижными кольцами. Двусоставные. Отдел Б. С восьмерковидными неподвижными кольцами на концах грызла, расположенными во взаимно перпендикулярных плоскостях, с продетыми в них подвижными кольцами. Двусоставные. Отдел В. С одинарными неподвижными кольцами на концах грызла, с продетыми в них подвижными кольцами. Односоставные. Группа II. Кольчатые. Грызло железное, кольца бронзовые. Отдел А. С одинарными неподвижными кольцами на концах грызла с продетыми в них подвижными кольцами. Двусоставные. Группа III. С псалиями. Железные. Отдел А. С одинарными неподвижными округлыми кольцами на концах грызла, с продетыми в них псалиями. Двусоставные. Отдел Б. С одинарными неподвижными округлыми кольцами на концах грызла, в которые продеты и подвижные поводные кольца и псалии. Двусоставные. Отдел В. Неподвижные кольца на концах грызла восьмеркообразные, с несомкнутыми боковыми сторонами. Во внешние кольца продеты подвижные кольца для повода, во внутренние – псалии. Двусоставные. Отдел Г. С восьмерковидными неподвижными кольцами, расположенными в одной плоскости, на концах грызла. Во внешние кольца продеты подвижные кольца для повода, во внутренние – псалии. Двусоставные. Отдел Д. С восьмерковидными неподвижными кольцами на концах грызла, расположенными во взаимно перпендикулярных плоскостях. Во внешние кольца продеты подвижные кольца для повода, во внутренние – псалии. Двусоставные. Группа IV. С псалиями. Грызло железное, псалии бронзовые. Отдел А. С одинарными неподвижными округлыми кольцами на концах грызла. Двусоставные. Группа V. С псалиями. Грызло железное, псалии деревянные или костяные. Отдел А. С одинарными неподвижными округлыми кольцами на концах грызла, с продетыми в них подвижными кольцами и псалиями. Двусоставные. Отдел Б. С одинарными неподвижными ромбовидными, сдавленными в вершине кольцами на концах грызла, с продетыми в них подвижными кольцами и псалиями. Двусоставные. Отдел В. С восьмерковидными неподвижными, расположенными в одной плоскости кольцами на концах грызла. Внешние кольца, с продетыми подвижными поводными кольцами, значительно меньше внутренних колец.

Двусоставные. Отдел Г. С расположенными в одной плоскости, неподвижными, в виде перекрученной восьмерки кольцами на концах грызла. Во внешние кольца вставлены подвижные кольца для повода. Двусоставные. Группа VI. С псалиями. Грызло биметаллическое (железо и бронза), псалии костяные. Отдел А. С восьмерковидными неподвижными кольцами на концах грызла, расположенными в одной плоскости. Двусоставные. Группа VII. Разносоставные. Железные. Отдел А. С восьмерковидным в одной плоскости неподвижным кольцом на одном конце грызла и одинарным неподвижным кольцом на другом. Двусоставные.

Выделение типов в каждом отделе производилось по форме тrenzеля (колец и псалий).

§ 2. Стремена. Разделение стремян на отделы производилось по форме петли для путлища. Отдел А. Восьмерковидные – петля для путлища является продолжением дужки. Отдел Б. Петля для путлища в виде прямоугольной или овальной пластины, отделенной от дужки перехватом. Отдел В. С широкой, выступающей над дужкой петлей для путлища, не отделенной от дужки перехватом. Отдел Г. Петля для путлища пробита в верхней части дужки, которая образует треугольный или округлый выступ. Отдел Д. С расплющенной в верхней части дужкой, в которой пробито отверстие для путлища. Верхний край дужки образует дугу.

Выделение типов в каждом отделе производилось по форме подножки и контуру дужки.

§ 3. Сбруйный набор. В составе сбруйного набора рассматривались пряжки, соединители уздечных ремней, ботала, уздечные кольца, перекрестные бляхи, решмы, подвески, наконечники и накладки.

Пряжки по материалу изготовления разделяются на группы, по способу соединения пряжки с ремнем – на отделы.

Группа I. Железные. Отдел А. Без щитка для соединения ремня с рамкой. Ремень охватывает часть рамки. Отдел Б. Ремень соединяется с пряжкой при помощи стержневидной оси, составляющей одно целое с рамкой; на эту же ось насаживается и подвижный язычок. Отдел В. Ремень соединяется с пряжкой при помощи прямоугольного приемника. Группа II. Бронзовые. Отдел А. Без щитка для соединения ремня с рамкой. Ремень охватывает часть рамки. Отдел Б. Ремень соединяется с пряжкой при помощи неподвижного щитка. Группа III. Костяные. Отдел А. С щитком, имеющим прорезь. При выделении типов учитывалась форма рамки.

Уздечные соединители ремней по функциональному признаку разделялись на отделы.

Отдел А. Для соединения двух ремней. Отдел Б. Для соединения трех ремней. Основой для выделения типов была их форма.

Накладки разделялись на отделы по форме, на типы – по деталям оформления.

Отдел А. Круглые. Отдел Б. Квадратные. Отдел В. Прямоугольные. Отдел Г. Сердцевидные. Отдел Д. Фигурные.

Ботала, уздечные кольца, перекрестные бляхи, решмы, подвески, наконечники и накладки разделялись на типы по форме.

Глава II. Хронология предметов конского снаряжения

Глава состоит из трех параграфов. В ней рассматривается хронология и эволюция предметов снаряжения верхового коня средневековой мордвы.

§ 1. Удила. Кольчатые двусоставные удила с кольцами круглого сечения, в Поволжье известные с сарматского времени, наиболее простые и очень распространенные формы в памятниках средневековой Европы и Сибири. Определенным хронологическим признаком при рассмотрении удил этих типов может являться изменение диаметра подвижных колец. Так для III–IV вв. характерны удила с диаметром колец до 3, 5 см. Среди них наиболее древними можно считать удила из Шемышейского могильника. Для V–VII вв. более характерны удила с диаметром колец до 8 см, которые, однако, встречались и раньше. В VIII–IX вв. удила с одним подвижным кольцом мордвой использовались редко, но позднее вновь начинают преобладать. Причем тогда же у этих удил вновь появляются кольца небольшого диаметра. В отличие от кольчатых удил позднего времени удила III–VII вв. отличаются легкостью конструкции – тонкими звеньями и кольцами. В X в. распространяются кольчатые удила с кольцами прямоугольного сечения. Но прямоугольное сечение колец у удил нами было пять раз отмечено в комплексах III–V вв. и VII в., что говорит о значительно более древней традиции изготовления таких удил.

Удила с двумя подвижными кольцами в VIII и IX в. вытесняют кольчатые удила с одним подвижным кольцом, а среди остальных начинают занимать господствующую позицию. Позднее IX в. они у мордвы не встречаются..

Односоставные удила или удила без перегиба, хорошо известны по материалам Саркела – Белой Вежи. Единого мнения об их датировке нет. В мордовских памятниках удила обнаружены в конских захоронениях, часто не содержавших другого инвентаря кроме снаряжения коня и их точная датировка пока не определяется. Лишь конское захоронение № 2 Кельгининского могильника с удилами содержало сюльгамы XI–XII вв., что отчасти позволяет считать выводы Г.А. Федорова-Давыдова, который относил односоставные удила преимущественно к XII в., правомерными и для мордвы.

Удила с бронзовыми, круглыми в сечении кольцами в древнемордовских памятниках в основном характерны для комплексов IV в. Удила с бронзовыми, треугольно-выпуклыми в сечении кольцами, имеют по два длинных орнаментированных зажима. Длина зажимов значительно превосходит диаметр колец. Такие удила получили свое распространение в южнорусских степях в гуннскую эпоху, и датируются концом IV– первой половиной V в.

Удила с железными псалями на территории расселения мордвы известны с первых веков нашей эры по материалам Андреевского кургана. Но появление их собственно у мордвы следует связать с удилами, из погребения IV–V вв. Абрамовского могильника. По своим конструктивным особенностям, они схожи с удилами из могильника Лермонтовская скала 2 на Северном Кавказе. Одной из самых древних находок у мордвы удил с псалями также можно считать удила

из комплекса V в. Абрамовского могильника, стержневидные псалии которых имеют рифления на концах и изготовлены из бронзы.

У мордвы Г-образные двудырчатые псалии встречались с удилами двух типов. Оба типа удила являют собой новый этап эволюции удила с псалиями. Этот этап связан с появлением во второй половине VI – начале VII в. на концах удила колец в виде восьмерки с несомкнутыми боковыми сторонами или двух цельных колец. Во внешнее кольцо пропускалось кольцо для повода, во внутреннее – псалий. Обе конструкции выполняли одну функцию, разделяли псалий и поводное кольцо. Происхождение данных схем, определялось необходимостью отделить кольцо повода от костяного псалия, так как железное кольцо быстро разрушало псалий. Такое усовершенствование было применено и к удилам с металлическими псалиями, кроме того, псалий прочнее сидел в отдельном кольце, что способствовало более жесткому управлению конем.

VI–VII вв. – период повсеместного распространения удила с костяными псалиями. Широкое применение костяных и деревянных псалий может быть объяснено доступностью материала и легкостью их изготовления. Однако подобные удила имели серьезный недостаток – недолговечность псалия, перетиравшегося о петли гызла и разрушающегося кольцом повода. В поисках способов сгладить этот недостаток, мастера применяли различные меры, изменяя формы окончаний гызла, псалий или поводных колец. Но полностью уберечь псалии от перетирания было нельзя, поэтому они не смогли составить конкуренцию появившимся и быстро распространившимся удилам с железными псалиями.

Конструкция с двумя неподвижными кольцами на концах гызла получила развитие с появлением удила имеющих на концах гызла неподвижные кольца, расположенные во взаимно перпендикулярных плоскостях. Такое нововведение приобретает явное преимущество перед конструкцией предшествующих типов, у которых действие удила, при натяжении повода, на углы губ лошади являлось более неравномерным. Удачно выбранная механическая схема удила определила их распространение по всей Восточной Европе и Сибири, сделав эту форму одной из самых активно используемых на протяжении нескольких столетий. У мордвы такие удила применялись в VIII–X вв.

В начале I тысячелетия у мордвы псалии перестают использоваться и для управления конем вновь применяются преимущественно кольчатые удила с кольцами круглого или прямоугольного сечения.

§ 2. Стремена. Восьмерковидные стремяна одни из самых ранних восточноевропейских, имели широкое распространение и вели свое происхождение от южносибирских форм VI в., где период их наибольшего распространения относится к VII–VIII вв. Простота конструкции определила их широкое распространение от Южного Урала до Верховьев Камы и Прибалтики. Самые ранние из них у мордвы происходят из ранних захоронений II Старобадиковского могильника. После IX в. восьмерковидные стремяна у мордвы нам не известны.

Арочные стремяна с прямоугольной или овальной петлей для путлища в большом количестве встречаются в памятниках салтово-маяцкой культуры. В

целом подобные стремяна сближают снаряжение коня практически всех народов Восточной Европы конца I тысячелетия н. э. Их многочисленность и бытование у мордвы на протяжении значительного отрезка времени позволило сделать некоторые наблюдения в изменении конструкции. В первой половине VIII в. стремяна имели невысокую арку и в то же время, по сравнению с ней, довольно широкие, что придает им некоторую округлость. В это же время встречается подножка узкая в центре и широкая по краям. Петля для путлища выражена, так как перехват, отделяющий ее от арки, обычно узкий. Со второй половины VIII в. эти стремяна становятся выше и получают законченную арочную форму. В IX в. их петля для путлища иногда имеет овальную форму, а перехват, отделяющий петлю для путлища, часто едва заметен. В X в. у мордвы эти типы уже пережиточные. Арочные стремяна из Кельгининского могильника представляют собой ступень в эволюции предыдущего типа.

Важным остается вопрос о времени появления первых стремян у мордвы. К числу первых относятся стремяна из ранних комплексов, на которых еще не отразилось салтовское влияние, II Старобадиковского могильника, стремя из Серповского могильника, а также из погребения 364 Крюково-Кужновского могильника. Несомненно, к этому же числу следует отнести и арочные стремяна с прямоугольной петлей для путлища, с появлением которых у мордвы начался новый этап в использовании верхового коня. Погребения мордвы, содержавшие первые стремяна, не могут быть датированы уже, чем в пределах второй половины VII – первой половины VIII в., поэтому мы не смеем утверждать их существование уже во второй половине VII в., но считаем это весьма вероятным. Таким образом, вопрос о времени их появления у мордвы остается пока открытым. Указанные арочные стремяна имеют северокавказское происхождение, а их распространение у мордвы, видимо, следует связать с волжскими болгарами, чье проникновение на Волгу и появление здесь стремян нового облика синхронно. Но, получив готовые формы от болгар, предполагаем, что мордва долго не находилась в зависимости от их импорта и довольно быстро наладила местное производство.

Стремяна начала II тысячелетия н. э. известны нам по конским захоронениям мордвы, их формы более разнообразны и испытывают как кочевническое, так и древнерусское влияние.

§ 3. Сбруйный набор. Наиболее ранними ременными запорами, применявшимися мордвой в сбруе коня были уздечные пряжки. Позднее в VI–VII вв. появляются крупные подпружные пряжки, их распространение, возможно, было связано с развитием конструкции седла и началом применения стремян. Наиболее поздним нововведением стало использование путлищных пряжек. Простые формы железных пряжек имели общие восточноевропейские черты. Аналогии ботал, легко находим в захоронениях коней второй половины VIII – первой половины X в. муромы. У мордвы ботала характерны для погребений VIII–IX вв. и позднее почти не встречаются.

Довольно редко в захоронениях мордвы встречались ремни оголовья, в тех редких случаях, когда их можно проследить, они были покрыты накладками из цветных металлов, предотвративших полное разложение. Нахождение удила,

без какого либо намека на существование оголовья, видимо, говорит о применении преимущественно простых плетеных конструкций из органических материалов. Для придания эластичности применялись уздечные кольца, точное расположение которых выяснить не представляется возможным. В некоторых случаях использовались соединители ремней, располагавшиеся на перекрестии ремней у висков или губ лошади, а также, возможно, находились на носу животного, соединяя косо поставленные ремни. Иногда ремни украшались несколькими накладками, довольно бедно и невыразительно.

Мы отмечаем 42 комплекса содержавших, в той или иной мере, элементы оголовья. Однако наибольший интерес представляют два захоронения, с оголовьями, детали которых из кожи и металла поддаются реконструкции. Это погребение 10 второй половины VIII–IX вв. II Журавкинского могильника и погребение 1 из могильника Пятницы VII с уздечкой XI в.

Глава III. Конь в жизни средневековой мордвы

В третьей главе рассматривается социальное и военное положение древнемордовского населения, а также некоторые аспекты мировоззрения связанного с почитанием коня.

Для оседлых и земледельческих народов, к которым относится и мордва, конь являлся, прежде всего, помощником в хозяйстве и использовался как тягловая сила. В предшествующую городецкую эпоху лошадь, вероятно, использовалась в основном как мясное животное.

Особо следует обратить внимание на находки костных останков на территории городищ, которые, на основании обгорелостей и расколов, в основном интерпретируются, как кухонные отбросы. Подобный костный материал Теньгушевского, Самозлейском, Итяковского городища свидетельствует, что удельный вес поголовья лошадей в стаде составлял от 30% и более. Основными направлениями коневодства у мордвы на протяжении всей средневековой истории являлись разведение лошадей для работы в хозяйстве и как мясное животное.

В конце I – начале II тысячелетия мордовская земля становится объектом притязаний русских князей и ареной борьбы последних с Волжской Болгарией. Ситуация вынуждала население вооружаться и вырабатывать способы вооруженной борьбы, воплотившиеся в тактике активной обороны. Доказательством ее эффективности являлось сохранение в течение долгого времени политической самостоятельности мордвы. Мордва, несмотря на военный натиск со стороны соседей сохранилась как этнос.

В основу исследования социальной структуры древнемордовского общества, как общества, в котором война имела серьезное значение, нами был положен анализ набора вооружения и конского снаряжения в погребальных комплексах. Всего мы учли 2545 погребений из 20 средневековых мордовских могильников III–XI вв. Нами не использовались в данном случае материалы могильников XI–XIII вв., так как в силу изменения погребальных обычаев мордвы они не содержали конское снаряжение в обычных погребениях людей, что не могло отражать реального положения вещей.

За период с III по XI вв. из 2545 погребений определены были как мужские 957. Из них 610 погребений (т. е. 63, 7% от общего количества мужских захоронений) содержали предметы вооружения и конского снаряжения. Мы посчитали необходимым выделить три периода, в общем промежутке времени между III и XI вв. В целом периоды (III–V вв., V–VII вв. и VII–XI вв.) выделены на основе хронологического разделения мордовских погребальных памятников.

Распределение погребений на группы проведено по наличию в них оружия и снаряжения коня. К рассмотрению принимались встречающиеся у мордвы виды вооружения: сабли и мечи, боевые топорики-чеканы, копья и стрелы. Всего нами в каждый хронологический период выделено три группы погребений. По наличию или отсутствию в погребениях конского снаряжения в каждой из них выделены по две подгруппы.

Основой, для выделения первой группы погребений, стало наличие в комплексе такого специального вида боевого оружия как сабля или меч. Кроме того, сюда же отнесены погребения имеющие, при отсутствии сабли или меча, набор из трех предметов вооружения. Относительно редкое нахождение в воинских захоронениях мордвы мечей и сабель объясняется их значительной ценностью. Первую группу можно трактовать как захоронения племенной знати, а также воинов, в жизни которых война имела большое значение. Количество конных и пеших воинов в этой группе примерно одинаково.

Ко второй наиболее многочисленной группе относятся захоронения, набор вооружения, в которых представлен одним-двумя видами оружия. Именно из этой группы мужского населения, выступавшей как ополчение, состояла основная часть мордовского войска. В период с VII по XI вв. для этой группы становятся характерными боевые топорики-чеканы, а так же, как впрочем, и для первой группы, так называемые, застёжки с «крылатой» иглой, встречавшиеся только в мужских захоронениях и обычно в сопровождении оружия. Возможно, они являлись своеобразным знаком воина, показателем его доблести. Из этой же группы формировалась конница мордовского войска. Основными видами вооружения для таких воинов являлись лук и копье, боевые топорики-чеканы характерны для пеших. В целом, судя по набору вооружения, мордовские всадники III–XI вв. в большинстве своем, не являлись профессионалами. Они происходили из той же среды, из которой формировалось пешее войско, но были способны выступить в поход конными в силу материального положения. Специфика ведения боевых действий и природные условия, определили сравнительно небольшую долю (12–13% от общего числа мужских погребений) конницы в войске, которая выполняла лишь специальные боевые задачи: разведка, завершение боя, преследование уже разбитого противника.

Третья группа представлена погребениями без оружия и конского снаряжения или захоронениями лишь с конским снаряжением, состоящим обычно из одних удил. Данная группа мужского населения была далека от войны и бралась за оружие только в случае крайней необходимости. Основным

занятием погребенных с конским снаряжением, но без оружия, видимо, являлось конное пастушество.

В целом на протяжении всего I тысячелетия шел процесс военизации мордовского населения. Своеобразным рубежом в этом отношении становятся V–VI вв., когда происходит резкое увеличение количества знатных, хорошо вооруженных воинов, а также большее привлечение мужского населения к военным действиям. Объяснением этому являются не только процессы внутри древнемордовского общества, связанные с распадом первобытнообщинных отношений, но и нестабильная политическая обстановка на границах мордовских земель, обострившаяся с началом эпохи великого переселения народов. Процесс военизации населения достигает своих высот в VII–IX вв. в период расцвета военной демократии.

Вместе с усилением мордовского войска в количественном отношении, верховой конь в новой обстановке все более начинает использоваться как боевой. Процент погребений с конским снаряжением, но без оружия (группа IIIa) постоянно снижается: с 32, 7% в III–V вв., до 3, 9% во второй половине VII–XI вв. Что также, видимо, говорит об увеличении роли земледелия, в том числе пашенного, и сокращении доли пастушеского скотоводства в хозяйственной деятельности мордвы.

В начале второго тысячелетия мордва ступила на путь классовообразования и создания своей государственности. Переломным моментом в этом процессе считается X в., явившийся концом существования старого родового строя. В XI в. складываются иные социальные отношения, повлекшие за собой ломку всего быта и религиозных представлений.

Мордва была подчинена власти князей. Самим символом княжеской власти и ее опорой в Древней Руси выступала профессиональная дружина. Существование таковой у мордвы мы можем только предполагать. В могильниках первой четверти II тысячелетия, по сравнению с предыдущим периодом, сокращается доля мужских захоронений с оружием. Причину этому во многом мы усматриваем в изменении религиозных представлений, но не исключаем и социальных причин, повлекших к уменьшению роли ополчения в войске и возникновению определенной группы мужского населения, война в жизни которых становится основным занятием. Почти полное отсутствие снаряжения коня в погребениях людей, в одно время заставляла делать выводы об отсутствии у мордвы и конной дружины. Однако, в данный момент, мнение это не может быть обосновано в связи с находками в последние годы конских захоронений на территории мордовских погребальных памятников. На сегодняшний момент известно не менее сорока конских захоронений.

Единичные погребения коней второй половины I тысячелетия, не содержавшие никакого инвентаря можно рассматривать, как захоронения жертвенных животных в одном ряду с захоронением коровы из Старшего Кужендеевского могильника. О принесении средневековой мордвой в жертву лошадей действительно имеются письменные сведения русских и западноевропейских авторов. Однако иными представляются конские погребения X–XIII вв., содержавшие зачастую полный набор снаряжения

верхового коня. Очевидно, что этим животным отводилась роль не просто жертвы, которая должна лишь умиловать богов и символизировать уважение к предкам. Предполагалось, что конь со снаряжением в потустороннем мире должен был использоваться именно как верховой.

В.И. Вихляев, рассматривая причины возникновения обычая конских захоронений у мордвы, выделяет два наиболее вероятных фактора: социальные изменения в общественной жизни мордовских племен, заключающиеся в формировании профессиональной конной дружины и появлении вместе с ней культа коня, а также иноплеменное влияние, связанное с проникновением на мордовские земли муромы с ее последующей ассимиляцией.

Мордовские могильники первой половины II тысячелетия существенно отличаются по богатству инвентаря от могильников второй половины I тысячелетия. Прежде причины этому усматривались лишь в политических и экономических событиях произошедших в мордовском обществе. Однако не следует сбрасывать со счетов вероятный перелом в миропонимании, и связанное с ним изменение погребального обряда. В новом представлении мордва уже не считала обязательным снабжать умершего родственника в потусторонний мир столь разнообразной массой вещей, достаточно было лишь самого необходимого, либо вещей которыми покойный действительно постоянно пользовался в жизни. Именно с определенным изменением погребального обряда связано и появление у мордвы конских захоронений. Несомненно, также, что возникновение этого обычая в какой-то мере не обошлось и без иноплеменного влияния.

Важно установить время появления у мордвы конских захоронений. В 1999 г. при раскопках могильника Стексово II В.Н. Мартьяновым компактной группой были обнаружены вещи, представлявшие полный набор конского снаряжения. В следующем году В.Н. Мартьяновым на территории этого же могильника вновь была открыта подобная группа вещей. Все вещи не были связаны с каким-либо погребением. Железные предметы носили следы пребывания в огне. Обычай захоранивать, инвентарь отдельно от умершего в конце I начале II тысячелетия существовал в Литве. Предполагалось, что в загробной жизни эти вещи будут служить умершему, независимо от того, где он погребен. Мы склонны считать, что описанные комплексы могильника Стексово II, связаны именно с этим обычаем, и являются ничем иным как символическими конскими захоронениями. Таким образом, в IX в. в погребальном обряде мордвы, в отличие от прежних времен, появляются представления о возможности захоранивать конское снаряжение, отдельно от покойного. Не случайно, примерно тогда же, в погребениях людей снаряжение коня встречается все реже, а вскоре и вовсе исчезает. К следующему этапу эволюции погребального обряда древней мордвы относится появление в X в. собственно конских захоронений.

Обычай хоронить коней отдельно от человека отвечал, прежде всего, нормам погребального обряда. Однако объяснение таких норм могло скрываться и в экономических причинах. Мордва, как оседлый народ, испытывала определенный дефицит хороших верховых лошадей, и погребение

коня вместе с хозяином становилось серьезным расточительством. Можно предположить, что если отдельные захоронения коней и были связаны с каким-то конкретным погребением человека, то в большинстве своем они были захоронены несколько позднее, то есть, когда материальное положение семьи позволяло отдать должное умершему родственнику. Не посильность совершения такого обряда для отдельной семьи заставляла выполнять требования погребального обряда и сообща, всем родом, как и обычные жертвоприношения. В таком случае погребения коней совершались периодически, по истечении определенного времени, и предназначались всем умершим родственникам.

Однако у мордвы, существовали и конские захоронения, содержавшие вещи характерные для человеческих погребений, а также погребения человека с конем. В данных случаях мы имеем дело с процессом развития обряда, связанного с захоронением коней. Известные нам погребения человека и коня относятся уже к монгольскому времени.

Таким образом, обряд захоронения коней у средневековой мордвы, являлся характерной чертой погребального обряда и имел свое развитие. После символических погребений появляются первые отдельные конские захоронения, затем наступает время для совместных погребений человека и коня, между последними двумя видами захоронений имели место погребения коней с вещами человека. Однако вплоть до XIII в. обряд отдельного захоронения коней видимо продолжал существовать.

Идеология почитания коня в конце I тысячелетия, с ростом хозяйственного значения лошади, довольно ярко отразилась в культуре ношения коньковых подвесок – элемента мордовского женского костюма. Культ коня тесно перекликался с культом водоплавающей птицы – другим почитаемым символом природы. Роль коня в жизни мордвы подчеркивается его фигурированием как одного из главных героев песенного фольклора. Мордовский, песенный фольклор богат произведениями, изображающими коня, без которого не мыслилось хлебопашество, в качестве активного борца за установление земледелия. Конь, как символ земледелия противопоставляется охоте и рыбной ловле. Исследователь мордовского фольклора А.И. Маскаев пришел к выводу, что созданный песнями об утверждении земледелия, конь, позднее, вбирая сказочные черты, становится спутником и наставником, спасителем военного человека.

Природные условия и тактика ведения боевых действий обусловили преобладание у древней мордвы пешего войска над конным. Конь и его символ конское снаряжение, как элемент погребального инвентаря, начиная с середины I тысячелетия, становится показателем знатности человека, его особого положения в войске. Роль коня в жизни мордвы возрастала одновременно с увеличением его хозяйственного значения.

В **заключении** рассматривается развитие конского убора и изменение роли коня в жизни мордовского населения.

В III–V вв. наиболее применяемыми удилами были обычные кольчатые, с кольцами разного диаметра. Использование наборных уздечек было редким. В

целом значение коня в это время в основном сводилось к работе в хозяйстве, и его разведению на мясо. Роль же конницы в войске была незначительной. Определенное изменение ситуации начинается в V в. Увеличивается количество погребений с удилами, чаще в комплексе с ними встречается оружие. Тогда же появляются удила с псалями. Видимо, все это следует связать с началом эпохи великого переселения народов.

В VI–VII вв. всадникам степи древняя мордва была вынуждена противопоставить нечто подобное. Однако воинами всадниками до середины VII в. является пока небольшая, но хорошо вооруженная часть населения. Появление в коневодстве направления на выращивание лошадей для войны и южное степное влияние способствовали и появлению наиболее рациональных форм удил, что приводит к многообразию их типов, в большинстве своем представляющих улучшение уже известных конструкций. В VII в. наступает время использования геральдических поясных накладок для украшения узды. С появлением на Волге болгар у мордвы распространяются металлические стремена.

В VIII–X вв. для противостояния степной коннице мордва, хотя и оставаясь преимущественно пешей, имела и довольно сильные конные отряды. Если прежде усиление значения конницы в мордовском войске имело качественный характер, то есть шло через повышение боеспособности узкой прослойки воинов, то теперь оно приобретает и характер количественный, то есть конница увеличивается за счет малопрофессиональных воинов. В украшении уздечки в это время предпочтение отдавалось круглым, расположенным симметрично, накладкам. Формы удил носили отпечаток как степных традиций (удила с S-видными и прямыми псалями), так и преимущественно местных (удила с двумя подвижными кольцами). На протяжении VIII–IX вв. в изготовлении стремян наблюдается стремление к единообразию. С развитием пашенного земледелия в хозяйстве, увеличением значения конницы в войске, конь все более становится объектом поклонения, что приводит к возникновению его культа.

В XI–XIII вв. мордовское общество стояло на грани государствообразования. В новой обстановке, обострявшейся военным противостоянием с Волжской Болгарией и русскими княжествами, наиболее эффективной военной силой и опорой власти князей становится группа профессиональных, приближенных к военачальнику, воинов. Одним из проявлений этого процесса стали конские захоронения. Конское снаряжение этого времени, как и прежде, испытывало влияние степных соседей, однако появляются моменты воздействия и со стороны традиций русской тяжеловооруженной конницы, что прослеживается на материале стремян. Находки наборных уздечек редки, но, в тоже время, мы располагаем великолепным образцом высококвалифицированного мастерства (могильник Пятницы VII, погребение 1).

Таким образом, развитие конского убора у мордвы находилось в тесной связи с изменением статуса коня в системе жизнеобеспечения народа, который прошел несколько этапов. Первый этап связан с началом пашенного

земледелия, уменьшением роли пастушеского скотоводства и появлением группы первых конных воинов, второй этап – дальнейшее развитие пашенного земледелия, выдвижение конницы как войсковой единицы и третий этап – возникновение конной дружины и культа коня.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Седышев О.В. Раскопки Степановского могильника в Атюрьевском районе Мордовии // АО – 1999. М., 2001. С. 106 – 107. В соавторстве с И.М. Петербургским, А.В. Дивлишовым и Т.Н. Охотиной.
2. Седышев О.В. Раскопки Степановского могильника // АО – 2000. М., 2001. С. 95 – 96. В соавторстве с И.М. Петербургским, А.В. Дивлишовым, А.В. Липатовым и Т.Н. Охотиной.
3. Седышев О.В. Степановский могильник // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Тр. ГИМ. М., 2002. Вып.135. С. 135 – 142. В соавторстве с И.М. Петербургским, А.В. Дивлишовым и Т.Н. Охотиной.
4. Седышев О.В. К вопросу о конских захоронениях у средневековой мордвы // Роль науки в социально-экономическом развитии Республики Мордовия: Материалы респ. Науч.-практ. Конф., посвящ. 70-летию НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ, г.Саранск, 18 дек. 2002 г. Саранск, 2003. С. 18 – 21.
5. Седышев О.В. Погребение древнемордовского всадника из П Журавкинского могильника // Археология восточноевропейской степи / Сб. материалов. Пенза, 2003. С. 320 – 325.
6. Седышев О.В. Развитие конского убора и изменение статуса коня в жизни мордвы III – XIII вв. // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья: проблемы хронологии и этнической истории. Тезисы II межрегиональной научной конференции. Саранск, 2003. С. 30 – 33.
7. Седышев О.В. Снаряжение верхового коня у среднецнинской мордвы // Нации и регионы в истории и культуре России: Материалы VI – VII Сафаргалиевских научных чтений. Саранск, 2003. С. 122 – 131.